

2207

14 АВГ 1983Г

3

ЛИТЕРАТУРНАЯ КОЛОНКА

ПРОЗА · ПОЭЗИЯ · ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир БАШКОВ

В ЕСЕНИНСКОМ КОНСТАНТИНОВЕ

В издательство «Московский рабочий» к 90-летию со дня рождения С. А. Есенина готовится книга «Есенино, здравствуй! Константиново, здравствуй!» Это сборник художественно-документальных, искусствоведческих и литературных очерков. В нем будут опубликованы также художественно-документальные рассказы В. Башкова о родине великого советского поэта — селе Константиново, которые автор объединил общим заголовком «...И тебе я в песне отзовусь!» Два из этих рассказов мы предлагаем сегодня вниманию читателей.

АМБАРУШКА

«В этот свой приезд
Сергей спал в амбаре...»

А. А. Есенина.

Это древнее строение под зеленой крышей о шести-пяти венцах, срубленное из мелкого леса амбарника, стоит в глубине есенинской усадьбы между избой-временкой и ригой. Теперь старшего амбара здесь ни одной постройки нет, поскольку он был поставлен, по свидетельству Александры Александровны, летом 1913 года. Железная крыша спасла амбар от пожаров, сгубивших сотни сельских домов и хозяйственных построек, в том числе и обе избы Есениных. Временка была куплена и поставлена после августовского пожара 1922 года, дом, ставший затем музеем, после пожара 1926 года, а рига, сгоревшая тогда же, восстановлена значительно позже — лишь в 1972 году. Вот и получается, что амбар вовсе не амбар и тем более не амбарушка, а — амбарушка, дедушка всего деревянного семейства.

Восьмой десяток разменял амбарушка. И дождями его мочило, и градом секло, и морозами обжигало... Поглубели от времени узкие, рубленные в углу венцы, исплелись их бурый лишай, исплелись древесных волокон. Разбежались по бревнам щели и трещинки, темные да глубокие, будто на стариковском лице морщины. Обметала углы седая паутина...

Дверь амбарушки обращена к северу, в сторону дома. Каждое утро, кроме понедельника, она распахивается настежь, и тогда можно посмотреть, что там, внутри. Посмотреть и представить, как Есенин шагал садовой тропишкой к этой двери, как переступал через невысокий порог.

Как и тогда, справа от входа стоит просторный ларь. Прямо, у задней стены, — старый тяжелый сундук, а слева — деревянная крашеная кровать под пестрым лоскутным одеялом, из-под которого свешивается белая подзорная кайма. Подле кровати на широкие сосновые половицы брошен домотканый половичок в поперечную полоску. Из-за резной спинки кровати выглядывает крепко сколоченная табуретка. Если встать на нее, то можно заглянуть на жердяной чердак, где раньше хранилась всякая всячина — хомуты и лыко, узлы с шерстью и самопрялка, косы и грабли... По воспоминаниям сестры поэта, сюда, в амбар, прятали весь спасенный скарб. Здесь и жили, покуда ставилась временка.

Наверху, в подкровелье, стояла когда-то тесовая домотканая. По старинному обычаю Татьяна Федоровна Есенина купила ее себе «на Петровых пономаря Ивана Петровича Анурова в его явке «гробнице» на колокольне.

Амбарушка... Сколько раз и с каким обостренным интересом разглядывал я, стоя в дверях, его скромное убранство и, если не было никого

внутри. И тогда и видел, и слышал.

Чул! Тихо стукнула садовая калитка. Легкие, быстрые шаги прошелестели в густом вишенике. Дрогнули ветки дички, усыпанной некрупными желтыми яблоками.

Стоило выглянуть из-за угла амбара, чтобы увидеть Его.

Невысокий человек в белой рубашке с распахнутым воротом, ржановолосый и синеглазый, возится с амбарным замком, похрустывая яблоком. Замок старый, ржавый, ключ заедает, и человек морщится, то ли от досады на капризный замок, то ли от кислого не в меру яблока.

Я знаю, что могу спокойно выйти из своего укрытия — все равно ему никогда меня не увидать. Потому что я так жадно смотрю на него, поймав, что еще миг, другой — и он исчезнет, растворится в текущем мареве июльского сада. Я успеваю заметить, что брови и ресницы у него темнее волос, что на лице, слегка тронутым загаром, ясно проступают капли веснушек, что руки его крепки в запястье и мускулисты, как у плотника или кожемяки...

Есенин любил этот «приют спокойствия, трудов и вдохновения», которому суждено было стать колыбелью таких чарующих душу строк:

В саду горит костер
рябины красной,
Но никого не может он
согреть.

В тот приезд на родину — в августе 1924 года, — о котором вспоминал его младший брат, Сергей Александрович не только «спал в амбаре», но и любил там работать, а «ключ от него всегда носил с собой». Книжки, чистые и косо исписанные листки лежали всюду — на кровати, крышке ларя, в сундуках и табурете... Писал Есенин ручкой или карандашом, потому что перо и чернильницу приходилось заимать у Шуры, да и чернила были неважными («Пишешь, только болото разводишь»).

Здесь, в сумрачной прохладе амбара, упрятого в тени старых лип и пролучившего вишен, родился и шлифовался один из лирических бриллиантов Есенина — «Отговорила роща золотая...» Были написаны также большинство строк «Поэмы о Зб», а раньше или позже, без сомнения, творений, тайну появления которых на свет хранит и никогда и никому уже не открывает старый амбар. Да и зачем? Разве недостаточно лишь одного свидетельства — причастности этой скромной Есенина? Ведь он, амбарушка-дедушка, — только малый уголок его родины. Той родины, к которой поэт невольно припадал усталой душой, как путник припадает к живительному роднику, и она щедро, не скупясь, одаривала своего сына и новыми силами, и глубокими чувствами вами...

Не потому ли горел в этом великом сердце, горел, не угасая, «тихий, вечерний свет» родины, его ненаглядной сторонки?..